

Е.А. Орехова, Р.А. Давыдов

**«РАЗБОЙНИКИ» НА МУРМАНЕ
И ИХ «ЖЕРТВЫ» — НОРВЕЖЦЫ:
ЕЩЕ ОДИН АСПЕКТ СТАРОГО МИФА
О РУССКОЙ УГРОЗЕ НОРВЕГИИ?**

В настоящей публикации рассматриваются обстоятельства разбойных нападений на норвежцев, якобы совершенных русскими в 1868 г. на Мурмане, о которых в том году сообщала норвежская газета “Finmarksposten”. На основе источников российских государственных архивов и публикаций 1870–1880-х годов характеризуется криминальная активность на Мурмане. Авторы приходят к выводу, что информация, приведенная в русофобской публикации норвежской газеты, о тяжких преступлениях «русских разбойников» против норвежцев не соответствует действительности, а преступники и потерпевшие в колониях Мурмана в 1860–1880-х годах в большинстве случаев вообще не были русскими.

Статья ориентирована на читателей, изучающих историю освоения Арктики, Кольского полуострова, а также историю международных отношений в Евро-Арктическом регионе.

Ключевые слова: Мурман, норвежцы, колонисты.

E.A. Orekhova, R.A. Davydov

**“ROBBERS” ON MURMAN
AND THEIR “VICTIMS” — THE NORWEGIANS:
ONE MORE ASPECT OF THE OLD MYTH
ABOUT A RUSSIAN THREAT TO NORWAY?**

This publication devoted to the circumstances of assaults against Norwegians allegedly committed by the Russians in 1868 on Murman coast, which the Norwegian newspaper Finmarksposten reported that year. Based on the sources from Russian state archives and publications of the 1870s–1880s, criminal activity on Murman coast is characterized. The authors come to the conclusion that the information, given in the Russophobic publication in Norwegian newspaper about serious crimes of “the Russian robbers” against Norwegians was not true, and criminals and their victims in the colonies of the Murman in the 1860s–1880s, in most cases, were not Russians at all.

The article is intended for readers who study the history of the Arctic, the Kola Peninsula, as well as the history of international relations in the Euro-Arctic region.

Keywords: Murman, Norwegians, colonists.

«Трудно поверить тому, что сообщает Финмаркенская газета...»

Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) — русский купец, золотопромышленник, общественный деятель и публицист; организатор и спонсор российских и иностранных научно-исследовательских экспедиций в Северном Ледовитом океане¹. В 1870 г. он опубликовал объемную книгу «Север России», в которой эмоционально, с привлечением множества фактов разной степени достоверности, изложил свои взгляды на прошлое, настоящее и будущее Арктики и приарктических территорий России. Эта книга получила довольно большую известность у русской патриотической общественности, интересующейся северной тематикой, и вызвала полемику в прессе.

М.К. Сидоров приводил многочисленные примеры того, как в силу недостаточного внимания российских властей Север становится опасным во всех отношениях местом. В частности, ссылаясь на норвежскую газету, М.К. Сидоров рассказал о разнообразных преступлениях, будто бы случившихся в 1868 г. на Мурмане, и даже о русских пиратах, будто бы там появившихся (рис. 1).

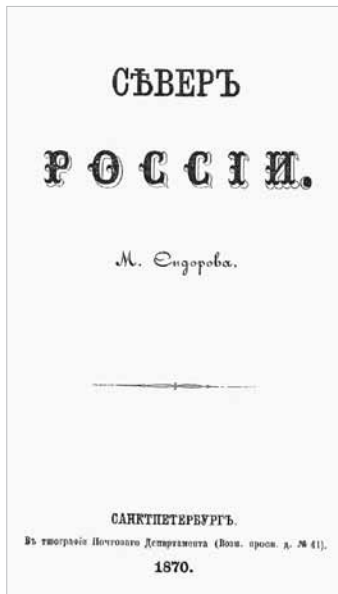

Рис. 1. Обложка книги
М.К. Сидорова

Воспроизведем текст из книги М.К. Сидорова дословно.

«Трудно поверить тому, что сообщает Финмаркенская газета 1868 г. (№ 26 и 29) о происшествиях на Мурманском берегу летом 1868 г. Впрочем, известия газеты подтверждают многие русские промышленники и купечество городов Вадзэ и Вардэ. Вот эти известия: на русском берегу, на Рыбачьем полуострове, занимались рыбным промыслом 600 норвежских судов. 11 мая 1868 г. в Зубовском становье, в 150 верстах от города Колы, разбило 300 ел и больших судов. При этом утонуло множество народа и этим несчастным норвежцам, выкидываемым на берег волнами, не только не подано было никакой помощи; но и с выброшенных на берег тел снимали одежду и брали себе все, что в ней находилось; местные жители из норвежских

переселенцев, принявших русское подданство и потому называющихся русскими, обирали даже спасшихся от гибели людей, которые шли по берегам с имуществом. Вещи, которые они несли со своих разбитых судов, у них отнимали и запрещали им собирать на берегах свои собственные. Заставляли платить штрафы, и кто не соглашался, то наносили смертельные удары или стреляли из ружей, хотя убитых от выстрелов не было ни одного.

Газета прибавляет, что в Зубовском становье было более несчастных, чем в прошедшем году в Беломорском крае: она считает до 3000 человек. По известиям Финмаркенской газеты (№ 27, 1868 г.), на русском берегу появились и пираты.

“Три больших норвежских судна по случаю сильной бури 8 мая зашли спасаться в русское становище в Вайда-губе. Суда эти были: одно из Христиании, шкипер Iver-Sandvik, другое из Ользунда, шкипер Paul Rasmussen, и третье из Хангезунд, шкипер Jars Tostenaes. На эти суда напали 70 человек вооруженных, отняли все имущество, все снасти, все принадлежности, а чтобы шкиперов оставить живыми, взяли деньгами с первого 60 спецингов, а с двух последних по 20 спецингов. Грабеж произведен был открыто известными начальству людьми, из которых был главным Mathis Zensen, выдававший себя за таможенного переводчика”.

Положим, что частные случаи злодеяния бывают в самом благополучном государстве. Но желательно бы вполне убедиться в справедливости сообщаемых известий. Не распускаются ли ложные слухи с целью отклонить от поселения на Мурманском берегу, особенно русских? Не хочет ли Швеция заселить Мурманский берег разными бродягами?»²

Правдоподобность изложенного вызывала у М.К. Сидорова сомнения. Он не исключал «ложность слухов», но, тем не менее, посчитал нужным донести их до российского читателя.

13 лет спустя, в 1883 г., другой автор — Е.С. Митрополова — вновь обратился к слухам о массовых преступлениях на Мурмане в 1868 г. (рис. 2).

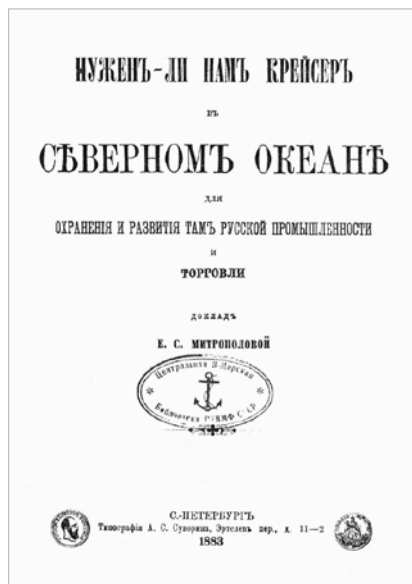

Рис. 2. Обложка брошюры Е.С. Митрополовой

Источником, как видно, послужила все та же публикация в норвежской газете. Соответствующий отрывок из брошюры воспроизведем также полностью, без сокращений.

«В 1868 г., до утверждения закона, предоставляющего норвежцам колонизировать наш берег, в норвежской газете “Finmarc Posten”, № 26 и 27, напечатано было следующее: “По свидетельству гаммерфестского губернатора, до 11 мая 1868 г. было у Рыбачьего полуострова, около двух губ, на 4 милях, до 600 больших и малых норвежских судов, с командою до 3000 человек. Со времени заселения Рыбачьего полуострова норвежцами число приходящих судов ежегодно возрастает. Приходят за рыбой суда уже и из Южной Норвегии. Ограбленные на русском берегу суда оказались из Христианзунда, Ользунда и Хакензунда. Из числа пострадавших от шторма 400 норвежских судов, разбилось окончательно в Зубовской губе на Рыбачьем полуострове 126 судов и из 3000 погибавших много утонуло. Когда тела погибших были выброшены на берег, то местные жители — норвежские переселенцы — ввиду находившихся тут же на берегу спасшихся семейств этих несчастных, обдирали с мертвых одежду и брали себе со всем, что в ней находилось, бросая голые тела обратно в море; оставшихся же в живых обирали, выхватывая из рук ящики, запрещая уносить с собою пожитки. Этого мало: требовали от них денег и в не исполнивших приказания направляли заряженные ружья, угрожая расстрелянием.

8 мая 1868 г., в день Вознесения Христова, вошли в Вайда-губу от штурма три промышленных больших судна из Южной Норвегии. На суда эти напали 70 человек вооруженных, отняли у них имущество, снасти, все принадлежности и взяли деньги за то, что чтобы шкиперов оставить живыми. Деньги получал, выдавая себя за таможенного переводчика, переселившийся в Вайдэ-губу известный в Норвегии Mathis Semsen”.

Эти номера норвежской газеты, напечатанные 23 и 30 июня 1868 г., получены были в Петербурге в половине июля, а все широкие льготы о принятии норвежцев в наше временное подданство были даны через четыре месяца после того — 22 ноября 1868 г.»³

Попробуем разобраться: не являются ли сообщаемые М.К. Сидоровым и Е.С. Митрополовой сведения мистификацией и были ли вообще норвежские публикации, на которые они ссылались? И если публикации были, то происходили или нет на самом деле описанные в них события? А если все-таки происходили, то насколько достоверно они изложены норвежскими журналистами?

Издание, называемое М.К. Сидоровым «Финмаркенской газетой», а Е.С. Митрополовой — “Finmarc Posten”, действительно существовало. Это издаваемая с 1866 г. еженедельная газета “Finmarksposten” (в современной орфографии с двумя *n* — “Finnmarksposten”). Основной объем материала, привлечший внимание М.К. Сидорова и Е.С. Митрополовой, был опубликован в № 27 за 30 июня⁴.

Перевод интересующих нас текстов на русский язык как у М.К. Сидорова, так и у Е.С. Митрополовой не является дословным. Это фактически сокращенный пересказ. В русском переводе есть ошибки в написании имен собственных. Так, например, правильно следует читать Iver Sandvik, а не Iver-Sandvik; правильно Lars Tostenæs, а не Jars Tostenaes; правильно Mathis Lemsen, а не Mathis Semsen и не Mathis Zensen. Ошибки, вероятнее всего, возникли в результате сложностей в прочтении М.К. Сидоровым и Е.С. Митрополовой «готического» газетного шрифта “Finmarksposten” (рис. 3). Тем не менее основная суть текстов норвежской публикации и количественные данные русскими авторами изложены верно.

Ниже впервые приводится полный перевод одной из статей⁵.

Рис. 3. Публикация из газеты “Finmarksposten”. 1868. № 27. Фрагмент

Происшествие в Вайда-губе в мае 1868 г. по версии газеты “Finmarksposten”

Хаммерфест

Во многих региональных газетах распространяются отчасти слухи, отчасти менее точные сообщения о насильственных действиях, которые были совершены против норвежских рыбаков и норвежских команд на судах, которые в поисках рыбы отправились на русскую сторону берега. У нас была возможность поговорить с одним из шкиперов, который подвергся

упомянутым насильственными действиям и разбоем со стороны русского прибрежного населения, и получить от него рассказ об этом, который мы, однако, не разглашали до тех пор, пока не смогли сравнить его с показаниями, данными в Вардё, и можем, таким образом, сообщить вам следующую информацию, данную в объяснении для суда.

Шкипер Ивер Сандвик, управлявший шхуной «Надежда» из Кристиансунна (Kristiansund)⁶, сообщает о том, что на его и два других норвежских судна на Русском берегу было совершено разбойное нападение:

После моего прибытия в Вардё промысел был плохой, но ходили слухи о хороших уловах на Русском берегу, куда я и поплыл в среду 20 мая, доверившись властям, опубликовавшим объявление о том, что норвежским рыбакам разрешено вести рыбный промысел в направлении Вайда-губы (Vaidagubba). После того как я провел среду частью в плавании, частью в промысле в море, я решил к вечеру искать гавань, где я мог бы на следующий день отметить «Hilligdag» (праздник Вознесения Господня). Я обнаружил два других норвежских судна, которые также искали гавань и, как мне показалось, были знакомы с фарватером, которого я совершенно не знал, я направился в их кильватере в Вайда-губу, где мы встали на якорь в четверг утром. В первой половине дня я с командой поехал на берег в надежде поговорить с людьми, но встретил только двух норвежских рыбаков, которые сказали, что они в настоящий момент стоят в гавани местного жителя, после чего мы снова поднялись на борт, не сделав на берегу ничего противозаконного. Во второй половине дня в четверг, около 4 часов, я и команда обратили внимание на три или четыре русских лодки, приставших к двум другим судам, и вскоре после этого поднялся шум и громкая ругань. Я, испугавшись, что русские замыслили недоброе и что они сейчас отправятся также и ко мне, начал немедленно сниматься с якоря, но тогда русские, видимо, заметили это, и моё судно окружили лодки, полные людей, и они зашли на мой борт. Один из них сразу подошел ко мне, стоящему у руля, и ударил большим шестом меня сзади, но от этого удара я, к счастью, уклонился, другой из них, который говорил немного по-норвежски, скомандовал людям, поднимающим якорь, прекратить это, в то время как другие знаками и жестами помогали ему и дали понять мне, чтобы я никуда не двигался с места, пока не подойдут остальные русские лодки. Я не рискнул сопротивляться, так как у них было больше людей, чем у нас, три больших русских лодки и одна ёла, в которых было 60–70 человек, подошли от двух других норвежских судов, и с криками и шумом поднялись на палубу, спустились в каюты, и без дальнейших церемоний завладели всем имуще-

ством, которое они нашли, как, например, шкиперским инвентарем, едой, одеждой, кожаной одеждой и рыболовными принадлежностями, трубками для табака, ножами и пр. В компании с русскими был один человек, который по одежде и внешнему виду, несомненно, был норвежцем, особенно по тому, как он бегло говорил по-норвежски на тронхеймском диалекте. Норвежец играл роль переводчика и предводителя русских, и он дал понять мне, что у меня нет разрешения на стоянку в гавани и что я (несмотря на мой протест, что я не занимался чем-то незаконным) теперь должен заплатить находящимся на борту русским 100 специйталеров. На мое замечание, что я не желаю этого делать, и у меня даже нет на борту таких денег, он ответил, что я в таком случае должен смириться с тем, что мое судно будет конфисковано, а я сам буду отправлен дальше внутрь России или даже в Сибирь. Из страха перед такой долей я предложил заплатить 50 специйталеров, но он дал мне понять, что меньшее, чем я могу отделаться, было 60 специйталеров, и чтобы мне было понятнее, если я еще буду торговаться, то дело будет касаться моей жизни. Поскольку они выглядели готовыми привести приговор в исполнение, не оставалось ничего другого как заплатить. После того как деньги были им уплачены, они отдали мне трос, которым они завладели, но, уходя, они прихватили все остальные награбленные товары, которые не были помечены таким образом, чтобы можно было их опознать как чужие. Я не могу точно описать множество русских, которые были на борту. Норвежец, напротив, был среднего роста, хрупкого и слабого телосложения, с худым лицом, с острыми скулами и говоривший, как я уже сказал, на диалекте, близком к тронхеймскому. На борту двух других судов они буйствовали примерно так же. У шкипера Пауля Расмуссена, приведшего яхту «Анна» из Олесунна (Ålesund)⁷, они завладели одеждой и т.д. стоимостью примерно 15 специйталеров, они даже вломались в одну каюту и обчистили сундук одного из рыбаков, который был с нами на судне, содержимое которого, как оказалось, в общей сложности стоило около 1 специйталера. Шкипер был оштрафован на 100 талеров за то, что бросил тут якорь, но он сторговал эту сумму до 20 специйталеров. Деньги были получены вышеупомянутым норвежцем, который назвал свое имя — Матис Лемсен, с которым был знаком проводник шкипера Расмуссена. От судна шкипера Расмуссена русские перешли к третьему судну, шкипера Ларса Тостенеса — яхте «Эммануэль» из Хёугесунна (Haugesund)⁸, где они были более скромны в своих требованиях и потребовали только 25 специйталеров, но он смог сторговаться до 20 специйталеров. Только двое русских занялись здесь грабежом, который

не был таким значительным, поскольку находившиеся у меня на борту русские позвали на помощь, чтобы помешать мне поднять парус, отчего они снова спешно бросились в лодки. Говорившего по-норвежски человека, который был у Тостенеса, спросили, может ли он предъявить полицейский знак или письменное полномочие от каких-нибудь русских властей, удостоверяющее его, он ответил отрицательно. За некоторое время до того, как русские поднялись к нам на борт, норвежец по имени Хансен, который, вероятно, живет в Вайда-губе, посетил яхту Тостенеса и поинтересовался, занимается ли тот торговлей или просто хочет купить рыбу, как долго шкипер намеревается стоять здесь и т.д., и Тостенес не исключает, что Хансен мог быть заинтересован в том, чтобы убрать судно из гавани и, таким образом, состоял в сговоре с русскими.

Даже после несчастья и кораблекрушения в Зубовском заливе (Sebuskafforden) местные жители совершили насилие, ограбив норвежских моряков, которые спаслись на суше и которые потом искали вдоль берега свое потерянное имущество в надежде спасти то, что могло вынести на берег. Этого сделать им не только не разрешили, но вещи, которые они спасли и которые заведомо принадлежали им, были у них отняты, обложены штрафом, их избili до крови, и даже стреляли в них, но, насколько мы знаем, ранен никто не был.

Часть норвежских рыбаков получила возможность дать показания, которые были записаны в Вардё, в которых, в частности, было выявлено, что это норвежец, который переселился на русскую сторону, который и выступает как главарь этих насильников против своих же соотечественников. В основном выделяются люди по имени Meenberg и Ole Sivertsen Blix, последний из которых вел себя как собственник этих земель в Зубовке (Sebuska).

Что касается Матиса Лемсена, имя которого назвал шкипер Сандвик, то мы можем сказать, что здесь, в Финнмарке, эта личность хорошо известна, особенно под именем «русский Матис» (Russemathis). Он русский по рождению и приехал сюда около 30 лет назад и большую часть времени жил в разных местах Порсангер-фьорда (Porsangerfjorden), где он также вступил в брак с лопарской девкой. В начале 1850-х годов он переехал в Лилле-Порсангер (Lilleporsanger), один из рукавов Ларе-фьорда (Larefjorden), откуда он через несколько лет отправился на восток и поселился на русской стороне. В дополнение к русскому языку он хорошо говорит на квенском, финском и норвежском, последний, возможно, близок к тронхеймскому диалекту. Хансен, который первым поднялся на борт судна, должно быть, бывший сержант крепости Вардё Хансен или его сын, оба они поселились в Вайда-губе.

События, которые произошли на Русской стороне в период весеннего промысла, вероятно, рассматриваются как очень серьезные и приведут к серьезным размышлениям с разных сторон.

Крушения приводят к большим человеческим жертвам и большим материальным потерям, что в целом приносит горе и тревоги многим семьям и предприятиям. Это свидетельствует от том, что нужно обладать смелостью и лихостью для занятия рыбным промыслом и продажей рыбы, и это, как мы знаем, однозначно требует жертв, и здесь нет никакого разумного отношения к средней выгоде, которую можно было бы рассчитать, а правильное соотношение между прибылью и убытками должно быть основой любого бизнеса. Но, по общему мнению, в том, что касается этого случая, выдвинуты большие требования к страховым компаниям, чем те, возможно, готовы принять, и таким же образом это в будущем, возможно, повлияет на то, что месячный взнос для финмаркенских промыслов по потерям и повреждениям будет увеличен, при условии, если не будет установлена четкая граница между страховкой и взносом, которые касаются промыслов вдоль берега Финнмарка и теми, которые будут включать Русский берег.

Наблюдение совершенно другой природы дают произошедшие в этом году события в Зубовке. Как только поступили предварительные сведения о многочисленных кораблекрушениях, которые имели место в прошлом году в Белом море, не только из Англии, но и со стороны норвежского правительства были немедленно приняты меры для помощи пострадавшим экипажам. Были посланы пароходы в Белое море, чтобы забрать экипажи и снабдить их предметами первой необходимости, и, скорее всего, срочные меры были предприняты уже властями Архангельска, так как они находятся ближе к месту происшествия и известия о крушениях пришли к ним первыми⁹. Это достаточно показало, что наше правительство не будет уклоняться от непредвиденных расходов, которые такие события влекут за собой, когда несчастье принимает такие большие размеры, что можно предполагать, что предпринимаемые действия не могут быть покрыты за счет нескольких частных лиц. У Зубовки было в этом году гораздо большее число потерпевших, чем в прошлом году в Белом море, но перспектива получить помощь на этом месте намного хуже, не говоря уже о том, что крушение всегда уносит много человеческих жизней. Но во всем этом в высшей степени поражает отсутствие активного участия со стороны норвежских властей, к которым сначала поступили сведения о крушениях. Свидетельства, которые были записаны в Вардё у вернувшихся рыбаков, показы-

вают, что своевременные действия норвежских властей желательны и необходимы.

Наконец, события, произошедшие в этом году на Русском берегу, дают возможность для серьезных размышлений очень своеобразной природы, поскольку все наше государство может попасть в неприятное и невыгодное положение вследствие отношений, которые эти события показали. Известно, что русская сторона дала благожелательное согласие на то, чтобы норвежские рыбаки, которые ловят рыбу вне русских берегов, в случае шторма и непогоды, могли искать убежище в русских фьордах и бухтах; но не существует согласия или какого-либо разрешения на стационарное нахождение в этих гаванях, и это не касается права норвежских судов или норвежских рыботорговцев заходить в эти порты и делать покупки. Пока так поступают отдельные судоводители, и совершают это без предварительного уведомления норвежских властей, — это дело частного характера; однако если то же в этом году будет происходить в большом объеме, когда, как говорят, до 150 судов были там (на Русском берегу), тогда это явление примет более официальный характер, которое, возможно, с российской стороны могут посчитать посягательством на свое государственное право, которое не происходит без влияния нашей страны, потому что надо предполагать, что такое большое движение не может происходить незаметно для норвежских властей — если не с их энергичной помощью, то с их молчаливого согласия. Мы не имеем права ожидать от России большего, чем мы сами сделали бы в подобных случаях, и нет сомнений, что не все были бы рады, если бы весь российский флот устремился сюда к весеннему промыслу и, не заботясь о соблюдении таможенных правил, расположился на финнмаркских рейдах и маневрировал там.

Пословица гласит: дружи с соседом, но держи ворота закрытыми. Сохранение дружбы между соседними народами, конечно, взаимовыгодно, но недостаточно следить за тем, чтобы иметь ворота на норвежской стороне, нужно также следить, чтобы с норвежской стороны не последовали действия, которые снесут эти преграды для русского имущественного права¹⁰.

«Отдельные случаи мелких краж и насилий»

О происшестввиях конца 1860-х годов три десятилетия спустя коротко упомянул в очерке об истории заселения края один из сотрудников отряда российских статистиков, работавший на Мурмане. Но он не нашел им подтверждения ни в официальных документах, ни в рассказах промышленни-

ков, а потому посчитал их сказками, причиной возникновения которых могли стать отдельные случаи мелких краж и насилия¹¹.

В годовых подшивках «Архангельских губернских ведомостей» конца 1860-х годов в криминальной хронике также не обнаруживается ничего похожего на случаи, описанные в «Finmarksposten». Не отмечен этот случай и в документах Кольского полицейского управления. Вместе с тем, хотя преступления на Мурмане тогда не были редкостью, значительная их часть раскрывалась немногочисленными полицейскими чиновниками. Интересно, что в качестве и потерпевших, и подозреваемых в преступлениях русские колонисты упоминаются редко или вообще не упоминаются. Это вполне объяснимо — большую часть населения Западного Мурмана в конце 1860-х — начале 1870-х годов составляли выходцы из Норвегии, Велико-го княжества Финляндского, входившего тогда в состав Российской империи, а также кочующие в пограничье саамы.

Вот лишь пара известий, относящихся к криминальной хронике 1866 и 1867 гг., из «Архангельских губернских ведомостей»:

«В Печенгской губе Мурманского российского берега у колониста норвежского подданного Ганс Иоган Гансен 8 июля проведена через взлом дверей кража разных вещей на 6 рублей. В краже этой сознался фильман Матис Ларсен Гальт, и часть похищенного возвращена»¹².

«Кемского уезда Печенгской волости в Мотовском погосте днем 21 февраля на тундре, в нежилом месте, у финляндского уроженца Ивана Абрамова Матвеева Роялли мотовскими лопарями отнято 30 тюков рыболовной снасти с крючками длиною 150 саж., 90 новых кругов, употребляемых для носки снастей, полпуда новых веревок, пять стоянок, парус от ёлы, два мешка и куль — всего на сумму 150 рублей. По дознанию, произведенному приставом 5-го стана, оказалось, что действительно лопарями у финляндского уроженца Роялли отняты были рыболовные снасти и прочие вещи; отнятые вещи доставлены были норвежскому купцу Гансу Финек»¹³.

В интересующем нас 1868 г. велись расследование и длительная переписка по поводу бытовой ссоры, произошедшей в колонии Земляная губа на полуострове Рыбачий, которая сохранилась в Государственном архиве Мурманской области. Итак, весной 1868 г. подданная Норвегии Анна Сневе, жена колониста-финляндца, поссорилась со своим соседом по имени Яков. Причиной ссоры послужила, видимо, их взаимная личная неприязнь. Будто бы Анна любила приходить в дом Якова в его отсутствие и «ругать, как хочет, его жену». Поводом стало то, что оставленный Анной без присмотра «рогатый скот» стал пастись у дома Якова. Пришедшую за сво-

им скотом соседку Яков после короткого разговора пнул ногой. Поднявшись с земли, она вбежала в его дом, «чтобы объявить собравшемуся тут народу» о неблагоприятном поступке. Яков, войдя за ней следом, обругал ее «черной собакой» и хотел ударить поленом, но его жена и другие люди, бывшие в доме, ему помешали. Потом Яков будто бы попытался задрать Анне юбку на голову, связать и выпороть, но родственники и соседи снова помешали ему завершить начатое — то ли не дали, то ли отобрали веревку. «От всего этого я пришла в обморок, — давала потом показания Анна, — но, очнувшись, пошла домой. Пришедши в свою избу, почувствовала боль еще сильнее, а именно: в правой лопатке, левой ноге и преимущественно в паху, каковую чувствую и по сие время».

1 мая 1868 г., спустя шесть дней после происшествия, фельдшер Каллиник Андреевич Андреев, освидетельствовал потерпевшую, а потом, «согласно инструкции», сообщил о случившемся кольскому врачу и приставу 5-го стана Кемского уезда И.А. Поникаровскому. 2 (14) июля тот прибыл в Земляную губу для проведения дознания. Первые сюрпризы его ожидали уже при проверке документов. С потерпевшей — норвежкой Анной Сневе — было все более или менее понятно: ее муж-финляндец — русский подданный, жил в Земляной на законных основаниях, у него было соответствующее свидетельство из канцелярии Архангельского губернатора от 18 января 1867 г. А вот с установлением личности подозреваемого возникли трудности. Потерпевшая называла его Яковом Блантером; но он же был известен соседям и как Яков Гиландер (или Гиляндер), и как Иоганн Яков Юкка.

Сохранившиеся документы позволяют отчасти восстановить его биографию. Самый ранний документ, связанный с Яковом, — удостоверение о переезде, выданное епархией Куопио в 1859 г. Из документа следует, что переселенец Johan Jakob Marias son Hiukka или Niemela¹⁴, родившийся в 1830 г., его жена — Eva Kaisa Abramsdotter (1822 г.р.) и сын Карл Вильгельм (1857 г.р.) направляются в приход Утсйоки¹⁵. Очевидно, именно оттуда они выехали в норвежский город Вадсё. По словам самого Якова, «переезд на жительство основан был на добром моем желании вследствие неурожайного времени в Финляндии и угрожавшей чрез то бедности»¹⁶. В том же 1859 г. он переселился на Мурманский берег в губу Земляную. Эта дата повторялась им неоднократно. Впрочем, в этом случае возникают сомнения в точности даты его переселения в Норвегию. В Вадсё Яков купил дом, а по норвежским законам это было возможно только при наличии норвежского подданства и имени. Именно так Яков Хиукка вместе с домом

получил и фамилию его прежнего владельца — Hellander (в русском варианте Гиландер или Геландер). Возможно ли было решить все эти вопросы в течение одного года? Остается предположить, что либо Якову удалось быстро уладить все формальности, либо покупка дома произошла ранее 1859 г., а документы оформлялись «задним числом». Во всяком случае переселение Гиландера на Мурман, по его заявлению, произошло до 31 августа 1860 г., когда это было официально разрешено норвежским подданным. Но и до получения норвежского подданства Яков имел на это право. Еще в 1854 г. российское правительство разрешило финляндцам приходить на Мурманский берег для занятия рыболовством и промыслами¹⁷. Первое столкновение Гиландера с русскими властями произошло в 1864 г. Застигнутый Кемским полицейским надзирателем Э.В. Амоном за вывозом сена и дров за границу, он попытался бежать в Норвегию, но был пойман. На вопрос, «почему он сбежал, не имея ни малейшего повода, Гиландер сознался, что сделал так по наущению норвежца Ольденбурга, который уверил его, что если он не сбежит, то будет сослан в Сибирь»¹⁸. Итогом того конфликта стала выдача ему «билета», разрешавшего проживание в Земляной губе (рис. 4).

В этом замечательном документе не было ни слова о том, является «колониист Яков Гиландер» подданным России или нет. И.А. Поникаровский решил отправить подозреваемого в административный центр уезда, в Кемское полицейское управление. По дороге в Кемь Яков, по версии полиции, попытался бежать, воспользовавшись неразберихой, вызванной смертью пристава 3-го стана. Пойманный позже, он оправдывался, что в Ковде его просто забыли, оставив без еды и денег, а он пошел в лес собирать морошку и заблудился. В Ковдском волостном правлении заявили, что беглец вел себя агрессивно, «грубил» и «даже скрипел зубами».

В августе Якова все-таки доставили в Кемское полицейское управление. Там, рассмотрев документы, в том числе и показания свидетелей, решили, что побои и оскорбления действиями норвежской подданной А. Сневе все-таки имели место и дело должно быть передано мировому судье. На основании ст. 135 Устава о наказаниях подозреваемому грозил арест на срок до трех месяцев. Но сомнения в том, подданным какой страны является колониист Геландер (Гиландер, Геляндер), он же Хиукка, вынуждали повременить с передачей дела судье и вынесением приговора.

Пока тянулась бумажная волокита, подозреваемый, которого никто не собирался сажать под арест, успел продать свой дом и имущество в Земляной губе и в октябре 1868 г. выехать вместе с семьей в Норвегию, в Вадсё.

права требовать задержания или выдачи преступников, скрывшихся в другой державе»²⁰.

Таким образом, вряд ли можно назвать финского колониста Якова жертвой произвола российских властей. Неприятностями он был обязан главным образом своим норвежским соседям.

Как мы видим, поводом для ссоры соседей в Земляной стал зашедший на чужой участок скот. Подобные конфликты возникали на Мурмане регулярно — право пользования сенокосными участками было предметом постоянных споров, доходивших до рукоприкладства, вплоть до 1930-х годов. И если в Земляной губе размер покосов позволял вывозить сено на экспорт в Норвегию, то в Вайда-губе их почти не было и отношение к ним было еще более трепетным. Очевидно, знали об этом и сошедшие на берег в Вайда-губе норвежцы. Не зря капитан И. Сандвик подчеркивал, что на берегу он «не сделал ничего незаконного».

Еще один вопрос, который появляется при чтении статьи “Finmarks-posten”, — с кем же столкнулись норвежские рыбаки в Вайда-губе и Зубовке? Газета однозначно заявляет о “den russiske Kystbefolkning” — «русском прибрежном населении». Однако возникшие на полуострове Рыбачьем колонии, хотя и появились на месте старых русских промысловых становищ, в конце 1860-х годов были населены главным образом выходцами из Норвегии и Финляндии. Русские посещали Рыбачий регулярно, в ходе сезонных промыслов, и останавливались в тех же становищах, ставших колониями, но в качестве колонистов появились там только в 1890–1900-х годах.

Сведения о конфликтах между колонистами и промышленниками к русским властям поступали регулярно. Еще в 1864 г. по приказу архангельского губернатора в Вайда-губу был направлен Кемский полицейский надзиратель Э.В. Амон для расследования жалобы норвежского подданного, поселенца Уле Ульсена «относительно причиненных ему обид, побоев и покраж другими промышленниками». Хотя тот «не смог указать, кто его обидел», надзиратель взял со старост рыбопромышленников подписку и внушил им, что «все иностранцы, принявшие подданство России, пользуются одними с ним правами на равных с прочими русскими промышленниками. Это распоряжение колониста совершенно удовлетворило, претензии он снял, в чем дал расписку»²¹.

В 1868 г. потерпевшие норвежцы, также «не забыв» примет основной массы «русских» разбойников, все-таки смогли опознать их лидеров или координаторов нападения. «Русский Маттис» оказался настолько хорошо известен в Финнмарке, что норвежские журналисты привели его

подробную биографию. Что касается Хансена (отца или сына), то в Вайда-губе действительно проживали люди с такой фамилией. В частности, в «Именном списке о действительно поселившихся на Мурманском берегу колонистах» от 31 августа 1870 г. указан некий Иван Гансен. Примечательна заметка на полях этого документа: «...поселился только для торговли ромом. Отец живет в Вардё. Пособие выдавать не следует»²².

В конце же 1860-х годов колонии в Вайда-губе и Зубовке были не слишком многолюдны, большую часть их населения в это время составляли норвежцы²³. Но в период «вешнего» лова туда приходило множество промышленников из Поморья, а также финляндцев, участвовавших в морских промыслах в качестве сезонных рабочих. Учitando, что в Норвегии Матис Лемсен воспринимался как «русский», истинный национальный состав «70 разбойников» на трех русских лодках и ёле остается загадкой. Ими в равной степени могли быть и русские, и финляндские промышленники, действовавшие заодно с вайда-губскими колонистами. Все они, очевидно, были раздражены появлением в своих «владениях» на море и на суше незваных гостей, что могло привести к возникновению в Вайда-губе криминального «интернационала».

Сколько норвежцев и норвежских судов вело промыслы в конце 1860-х годов у Мурмана и были ли они... законными?

Скажем сразу: норвежских рыбаков и норвежских судов у Мурмана в 1868 г. было действительно много. Хотя точное их количество никто не подсчитывал. В норвежской газете “Finmarksposten” и документах чиновников Кольского уезда говорится о *сотнях* норвежских промысловых судов у Рыбачьего полуострова и тысячах *промышленников*. Равным образом норвежская и российская стороны отмечают факт многочисленных крушений судов во время штормов в 1868 г.

Появление тысяч норвежцев в местах традиционного промысла россиян вызвало понятное недовольство последних. О возрастающем «ропоте» русских рыбаков по поводу развития норвежского рыболовства у берегов Мурмана стало известно российскому генеральному консулу в Христиании Г.А. Мехелину — тому самому, который и был главным инициатором колонизации Мурмана и не возражал против поселения там иностранных подданных. В 1868 г. в одном из донесений Г.А. Мехелин обратил внимание на то, что русские, занимающиеся рыболовством у берегов норвежского

Финмаркена, стали встречать со стороны норвежских властей все больше затруднений в своей деятельности, тогда как у российских берегов, наоборот, наблюдается «чрезвычайное развитие» норвежского рыболовства.

Не имея «точных сведений относительно рыболовства норвежских подданных у наших берегов», Г.А. Мехелин запросил их из России²⁴. Товарищ министра иностранных дел послал копию донесения Г.А. Мехелина в Министерство государственных имуществ (МГИ); оттуда ее переслали архангельскому губернатору, который, в свою очередь, отправил ее в Кольское уездное полицейское управление. Наконец, она достигла упоминавшегося ранее пристава 5-го стана Кемского уезда И.А. Поникаровского. Последний 3 (15) февраля 1869 г. подготовил рапорт, в котором по пунктам ответил на интересующие генерального консула вопросы. Мы не приводим их текст — суть понятна из ответов на них. Ответы И.А. Поникаровского воспроизводим дословно.

«1. В 1867 г. у наших берегов промысловых норвежских судов, называемых ёлами, было до 150, а мореходных судов или кораблей до 50, а в 1868 г. ёл было более 300, а кораблей более 100²⁵. Все они занимаются ловом рыбы трески, преимущественно от Вайдогубского наволока[a] на восток до Цып-Наволока и частью в Кильдинской салме, так как в этих местах рыба хорошо ловится лесой (называемая удёбной) и норвежцы преимущественно ловят лесой, а не ярусом, как русские промышленники.

2. Норвежцы ловят рыбу на ёлах лесосою в расстоянии от берега не более как на 400 сажен, а мореходные суда их или корабли стоят всегда бережнее зубовских островов, то есть это составит не более от материка земли полуострова Рыбачьего как 300 сажен; это я основываю на личном своем удостоверении.

3. О том, представляют ли норвежцы в русской таможне свои произведения и платят ли за право вывоза, — не предъявляют и не платят ничего, и я как разумею — не могут предъявлять, потому что по конвенции, заключенной 26 апреля / 8 мая 1838 г., не имеют права производить лова рыбы у самых берегов нашего материка (само собою разумеется, если расстояние 300–400 саж. будет признано близостью берега).

4. Удовлетворительный или неудовлетворительный имеется таможенный надзор за норвежскими кораблями — я <...> не могу сказать, потому что последние три года исполняю его сам, и если он оказывается, в сущности, неудовлетворительным, так как <...> не было законфисковано ни одно норвежское судно, то это более всего происходит от того, что я не знаю хорошо норвежского языка и не имею при себе хорошего переводчи-

ка; а между тем законфисковать иностранное судно — дело немаловажное и требует большой аккуратности, и на первом же шагу действий нужно составить на месте акт.

5. Шкипера или управляющие норвежских судов вовсе не являются и не предъявляют своих видов и решительно ничего не платят за пропуск на спортов становому приставу, разъезжающему по Мурманскому берегу, но, впрочем, многие из них, сколько я понимаю, спрашивают по-норвежски: сколько с них следует в штраф денег за приход к Русскому берегу.

Донося о сем Вашему Высокоблагородию, долгом считаю доложить:

а) От посещения норвежцами наших берегов у наших промышленников происходит в сильной степени ропот и гнев собственно потому, что наших промышленников, по словам их, штрафуют тотчас в Норвегии, коль скоро они будут ловить рыбу ближе 10 верст от Норвежского берега;

б) Также страшно ропщут и на то, что норвежцы, ловя рыбу, тут же производят и чистку оной, а потроха и головы от оной бросают на дно моря, отчего по опыту и приметам наших промышленников на будущий год в том месте никогда рыба не стоит или то есть не ловится;

в) От посещения норвежцев водворяется на наших берегах и немалое количество контрабандных товаров²⁶.

Выводы из вышеприведенного донесения пристава И.А. Поникаровского о том, что норвежцы на Мурмане «вторгаются в наши пределы для лова рыбы» и «водворяют там контрабанду», стали поводом для обращения архангельского губернатора к шведско-норвежскому консулу в Архангельске.

Ответ консула, датированный 12 (24) марта 1869 г., свелся к следующему: Министерство внутренних дел в Христиании предписало «финмаркенскому губернатору» объявить норвежским рыбопромышленникам, что последним разрешено производить лов рыбы против Мурманского берега только в открытом море, а не «у самого берега» и в устьях рек; заходить в заливы Мурманского берега разрешается только во время бури; запрещается увозить с русского берега лесной материал, скот, сено и другие «произведения края», а также производить контрабандную торговлю²⁷. По уверению консула, власти Швеции и Норвегии постоянно воспрещали и воспрещают своим промышленникам вторгаться в российские воды. То, что эти воспрещения остаются безрезультатными, объяснялось, по его мнению, недостаточным полицейским надзором на Мурмане и отсутствием прецедентов привлечения норвежских промышленников к ответственности по русским законам²⁸.

Категоричное утверждение норвежского консула в Архангельске о том, что норвежские власти всегда запрещали норвежские подданным вести промыслы у русских берегов, противоречило процитированной выше публикации “Finmarksposten”. Один из норвежских шкиперов, будто бы пострадавших в Вайда-губе, свой рассказ как раз и начал с того, что он доверился норвежским властям, опубликовавшим объявление, где утверждалось, что норвежским рыбакам разрешено вести рыбный промысел в направлении Вайда-губы. Дословно: “I tillid til den af Øvrigheden kundgjorte Bekjendtgjørelse om, at norske Fiskere havde Tilladelse til der at drive Fiskeri, i Retning af Vaidagubba”²⁹.

Архангельский губернатор, однако, удовлетворился объяснением норвежского консула и поручил Архангельской губернской типографии отпечатать 150 экземпляров объявления для распространения его среди русских промышленников на Мурмане следующего содержания:

«Вследствие постоянно поступающих заявлений о том, что между русскими и норвежскими промышленниками постоянно возникают столкновения при ловле последними рыбы у Мурманского берега, финмаркенский губернатор вновь подтвердил по своему ведомству, что норвежские подданные не имеют права ловить рыбу у русского берега, но только в открытом море против этого берега, точно так же они не вправе иметь на берегу склады или другие рыбопромышленные заведения, но им позволено приставать к берегу во время бури и непогоды. В случае же ослушания этим правилам норвежские рыболовы подвергнутся ответственности перед русским начальством, по русским законам. Те же самые последствия будут для норвежских подданных за введение ими на русском берегу контрабандной торговли; а потому все торговцы приглашаются прекратить обоюдными стараниями эту незаконную торговлю, которая ослабляет уважение к торговому сословию и своим последствием будет вредна и, в частности, для общества»³⁰.

Губернатор, видимо, полагал, что это объявление в какой-то мере успокоит «ропот» и «гнев» промышляющих на Мурмане россиян, направленный против конкурентов-норвежцев. Но, по сути, объявление это было внешне грозной, но бессодержательной декларацией. Что значит «у берега», «в открытом море»? Где это — «у берега»? В 400 саженьях от него? Или в одной версте, а может быть, одной морской миле?

В международном праве того времени вопрос о границах территориальных вод был дискуссионным. Термин «территориальные воды», судя по доступным нам документам, применительно к водам, омывающим

Мурманский берег, не употреблялся до конца 1860-х годов российскими чиновниками. Фактически получалось так, что местное русское начальство (кстати, тоже не ясно, какое именно — неужели становые приставы?) должно было по своему усмотрению, «на глазок» определять границы территориальных вод. А потом как-то (тоже непонятно — как?) наказывать тех норвежских рыбаков, кто вел там промыслы. Не удивительно, что на практике русские полицейские, не имея в своем распоряжении ни специальных законов, ни внятных инструкций, не зная иностранных языков, предпочитали не обращать внимания на сотни норвежских судов, вылавливающих рыбу в сотне-другой метров от берега. При любом инциденте, конфликте они, действуя вне «правового поля», почти наверняка оказались бы виновными сами³¹.

Напряженность в отношениях россиян и норвежцев на Мурмане между тем продолжала нарастать...

Преступления без наказания

Появление на Мурмане поселений норвежских и финских колонистов и сотен норвежских судов с рыбаками (рис. 5) породило серию разного рода «конфликтов» и «недоразумений». Регулярно приходящих туда на весенние и летние рыбные промыслы русских промышленников новое соседство не радовало.

Рис. 5. Становище на Мурманском берегу. Рисунки к исследованию рыбных и звериных промыслов в Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863

Летом 1870 г. о воцарившемся на Мурмане беззаконии написал архангельскому губернатору норвежский колонист Людвиг Фридриксен³².

«Во время весны <...> бывает много споров между так называемыми русскими гребцами, приезжающими из берегов Белого моря, и поселенцами, по той причине, что первые без церемонии берут дрова, принадлежащие последним, и также берут всякую другую вещь, им полезную, не заплатив ничего. Нелегко подавать жалобу на эти поступки, потому что до начальства далеко, и когда начальник во время лета иногда проезжает, тогда виновные уже уехали, да и тогда незнание языка мешает объясниться <...>. Так как и старые, и новые поселенцы все вместе употребляют те же леса, те же сенные луга и другие произведения края, то и через это часто бывает несогласие. Каждый считает себя вправе взять все это, где бы ни было, потому что леса не разделены, не определены никому для порубки или арендования, как это бывает в иных местах России»³³.

Л. Фридриксен не только жаловался на «буйных» русских, которые «не знают, да и знать не хотят законов»³⁴, но и давал губернатору советы по обустройству жизни на Мурмане, естественно, опираясь на норвежский опыт.

*«Почти все эти неудобства и несогласия не были бы, если во время лета от начальства устроен был местный надзор при каждом становище Мурманского берега, подобно тому, как это устроено в Норвегии, где происходит рыболовство и где есть нарочно по этому случаю, особенно назначенные на крестьянских судах судьи, которые на самом месте, где окажутся беспорядки, разбираются и решают дело. При таком же устройстве на русском Мурманском берегу **там бы поселились люди старательные и честные, вместо того, что теперь.** К сожалению, многие приезжают нарочно только для того только, чтобы пользоваться нынешними там беспорядками (выделено нами. — Е.О., Р.Д.) и отсутствием правосудия. Смею надеяться, что высокое начальство предпримет нужные меры в упомянутом роде, и тоже осмеливаюсь при этом случае выразить желание, чтобы для душевных нужд того же народонаселения были выстроены церкви, школы для воспитания детей и чтобы для этого воспитания были назначены учителя»³⁵.*

Едва ли Фридриксен знал, что архангельский губернатор С.П. Гагарин уже несколько лет безуспешно пытался устроить на Мурмане особое управление и суд. Он несколько раз отсылал в Министерство внутренних дел свои предположения, однако они возвращались назад с замечаниями к оформлению и стилю. Главное же препятствие для устройства суда на

Мурмане представляла сословность российского судопроизводства того времени. В письме губернатору из Земского отдела Министерства внутренних дел от 2 сентября 1868 г. говорилось следующее.

«В представленной Вами записке предполагается в мурманских становичьях учредить волостной суд, по буквальному применению правил, существующих для крестьянских судов. Между тем, из сообщенных Вами сведений видно, что временное население становичь состоит не из одних крестьян, а также и из мещан, а потому предполагаемый суд для одних крестьян, не обнимая собою всего населения, не соответствовал бы своему назначению»³⁶.

* * * * *

В конце 1860-х годов начался процесс экспансии норвежских рыбаков на Мурман, зверобоев — в горло Белого моря и на Новую Землю, в места традиционного промысла россиян.

Российские власти эта экспансия застала врасплох: малочисленная полиция оказалась совершенно неспособной контролировать огромные пространства Кольского полуострова и особенно Мурманский берег, где в 1867–1868 гг. в условиях начавшейся российско-норвежско-финской колонизации появились еще и сотни норвежских промысловых судов и тысячи норвежских рыбаков. Российские официальные лица, не зная норвежского и финского языков, не имея в своем распоряжении ни законов, ни внятных инструкций, которые можно было бы применить на практике, вынуждены были бездействовать, ограничиваясь лишь наблюдением за норвежскими рыбаками.

Реальная экспансия норвежских рыбаков на Мурман в конце 1860-х годов сопровождалась опасениями норвежской стороны по поводу ответной реакции со стороны России. Предполагалось, что Россия могла увидеть в деятельности частных лиц инициативу норвежских властей и расценить ее как угрозу российскому суверенитету со всеми вытекающими для Норвегии последствиями. Однако опасения норвежцев были абсолютно напрасными. Столичным российским чиновникам Север в то время был неинтересен; он был далек от них во всех смыслах этого слова. Норвежская экспансия на Мурмане и в т.н. «восточных льдах» в XIX — начале XX в. была никем не оспариваемой реальностью, а мифическая «русская угроза» для Норвегии в этом, как и во всех других случаях, существовала лишь в воображении скандинавских публицистов.

Увеличение численности оседлого населения на Мурмане и приходящих туда на сезонные промыслы рыбаков из Норвегии и Финляндии способство-

вало значительному росту преступности. Примечательно, что как преступники, так и потерпевшие в большинстве случаев не были этническими русскими. Следует заметить, что «ужасы Мурмана» были существенно преувеличены норвежской стороной. Кражи, вымогательства, взаимные оскорбления действительно имели место. Но достоверных сведений об убийствах, тем более массовых, а также о массовых драках и грабежах, совершенных с применением оружия, не сохранилось ни в России, ни в Норвегии. Это говорит о достаточно высоком уровне взаимной терпимости живших на пограничных территориях народов и их готовности к сосуществованию.

* * *

¹ Михаил Константинович Сидоров родился в купеческой семье в Архангельске, учился в гимназии, но не окончил ее. Попытки Сидорова заняться предпринимательской деятельностью и организацией банка в Архангельске привели к конфликту с местной администрацией, и он был вынужден уехать из города. В Красноярске Сидоров стал домашним учителем семьи купца В.Н. Латкина, а позднее его зятем. Благодаря связям Латкина Сидоров организовал поиски новых месторождений золота и принял участие в золотодобыче в Сибири, заработав крупное состояние. С именем Сидорова связаны попытки организации заготовки и экспорта леса из бассейна р. Печоры, графита из месторождений в районах рек Нижней Тунгуски и Бахры, добычи нефти в районе р. Ухта, угля в районе р. Воркута, организации русского китобойного промысла в морях Северного Ледовитого океана. Среди экспедиций, в организации и финансировании которых участвовал Сидоров, можно отметить плавание шхуны «Утренняя заря» (1877) из устья р. Енисей в С.-Петербург под командованием Д.И. Шваненберга и первое в истории плавание Северным морским путем из Атлантического океана в Тихий экспедиции Норденшельда (*Nils Adolf Erik Nordenskiöld*) на судне “Vega” (1878–1879). Сидоров — патриот и популяризатор Севера, автор около 50 публикаций о промыслах в Северном Ледовитом океане и его изучении; о природных богатствах Севера России, возможностях их эксплуатации; о состоянии и развитии морского транспорта; о необходимости создания университета в Сибири и т.д. Потратив большую часть средств на исследования Севера, Сидоров умер в бедности. После смерти в Германии его прах был перевезен в С.-Петербург и похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры; могила не сохранилась. Подробнее о нем см.: *Жилинский А.А.* Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова) / Издание Комитета по увековечиванию памяти М.К. Сидорова. Архангельск, 1918; *Королев В.Н.* России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987; *Ламин В.А., Ноздрин Г.А.* Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // *Личность в истории Сибири XVIII–XX вв. Сборник биографических очерков.* Новосибирск, 2007. С. 113–123.

² *Сидоров М.* Север России. СПб., 1870. С. 99–100.

³ Митрополова Е.С. Нужен ли нам крейсер в Северном океане для охранения там русской промышленности и торговли. СПб., 1883. С. 5–6.

⁴ Небольшой нюанс: на первой странице газеты была допущена опечатка в ее дате: 30 июля (den 30te Juli) вместо правильной даты — 30 июня (den 30te Juni).

⁵ Перевод выполнен Е.А. Ореховой. Авторы благодарят за помощь в переводе Елену и Терри Бьёргве.

⁶ Кристиансунн — коммуна и город в норвежской губернии Мёре-ог-Румсдал. Здесь и далее мы приводим названия местностей в их современном русском и норвежском написании.

⁷ Город в норвежской губернии Мёре-ог-Румсдал.

⁸ Город в норвежской губернии Ругаланн.

⁹ В данном случае речь идет о массовой гибели преимущественно норвежских и английских судов в 1867 г., которые были затерты льдами. обстоятельный разбор крушений норвежских судов был выполнен в публикации «Архангельских губернских ведомостей», автор которой использовал выписки из норвежских судовых журналов, ранее предоставленных в Архангельский порт шведско-норвежским консулом Б. Флейшером. См.: *Растов*. По поводу крушений судов в Белом море в 1867 г. // АГВ. 1875. 19 февраля. См. также: Давыдов Р.А. Белое море без ледоколов. Массовая гибель иностранных судов из-за неблагоприятной ледовой и погодной обстановки в 1867 г. // Полярные чтения на ледоколе «Красин» 2013–2014: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, ледокол «Красин», 1 ноября 2013 г. и 29–30 апреля 2014 г.). М.: Паулсен, 2015. С. 84–92.

¹⁰ Finmarksposten. 1868. № 27.

¹¹ Статистические исследования Мурмана. Т. I. Вып. II. Колонизация (по материалам 1899, 1900 и 1902 гг.). СПб., 1904. С. 37–38.

¹² АГВ. 1866. 1 октября.

¹³ АГВ. 1867. 22 апреля.

¹⁴ В финском варианте — Juho Jaako Niukka.

¹⁵ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-24. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

¹⁶ ГАМО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

¹⁷ Den kvænske invandring til Nord-Norge av J. Qvigstad // Tromsø museums årshæfter 43 (1920). Nr. 1. A.S. Tromsø, 1921. S. 60–61.

¹⁸ Подробнее см.: Орехова Е.А. Первый мурманский колонист Яков Гиландер (К истории финляндской колонизации Мурмана во второй половине XIX в.) // VI Ушаковские чтения. Мурманск, 12–14 марта 2009 г. Мурманск, 2010. С. 50–54.

¹⁹ В 1814–1905 гг. Норвегия была «свободным, независимым и неделимым королевством, соединенным с Швецией в лице общего короля» (именно такая формулировка была принята норвежским парламентом — стортингом — 4 ноября 1814 г.). Норвегия в период личной унии со Швецией обладала значительной автономией; имела собственный флаг, герб, конституцию, парламент (стортинг), правительство, вооруженные силы. Фактически Норвегия была ограничена лишь в возможности проводить самостоятельную, независимую от Швеции внешнюю политику. В отече-

ственной литературе и даже неопубликованных источниках вместо громоздкой формулировки «соединенные королевства Швеции и Норвегии» и короткой «Швеция–Норвегия» встречается словосочетание «Шведско-Норвежское королевство». Последнее не совсем верно: хотя король и был «общим», но королевств было два.

²⁰ ГАМО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–37.

²¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 6–6 об.

²² ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 171. Л. 146 об. — 147.

²³ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 225а. Л. 6–11.

²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 979. Л. 2–2 об.

²⁵ «Цифра неположительная, потому что нет фактов определить верно цифру, но выставлена таковая мною из собранных сведений и по личном удостоверении, так как я видел в 1868 г. обратное следование норвежских судов от Зубовских островов в Норвегию после бывшей бури». — *Прим. И.А. Поникаровского.*

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 979. Л. 16–17 об.

²⁷ ГАМО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1 об.

²⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 981. Л. 3 об.

²⁹ *Finmarksposten*. 1868. № 27.

³⁰ ГАМО. Ф. И-24. Оп. 1 Д. 4. Л. 3.

³¹ Подробнее см.: *Давыдов Р.А.* Российский опыт определения границ территориальных вод и охраны морских ресурсов в Евро-Арктическом регионе (1860-е — начало 1910-х гг.). Архангельск: Поморский университет, 2009. 112 с.

³² Людвиг Фридриксен принял русское подданство 8 августа 1870 г. В «Списке норвежским семействам, причисленным в колонисты Мурманской колонистской волости», составленном в 1873 г. (ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 172. Л. 104–115), о Л. Фридриксене сообщается, что он вдов, 39 лет от роду и имеет сына Мартина 2 лет (ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 172. Л. 112 об.). Русский вице-консул Сканке характеризовал его как человека «правдивого и очень надежного». С 1871 г. Л. Фридриксен прекратил промыслы и занялся исключительно торговлей. В 1870–1880-х годах Л. Фридриксен стал одним из наиболее зажиточных жителей колонии Цып-Наволок: постоянно держал 2–3 коровы, а дом его, с русской печкой, в колонии был одним из лучших. Сын его Мартин в 1890-х годах, помимо ведения хозяйства, присматривал за местной православной церковью, в которой службы после 1892 г. не проводились. Приезжающим сюда изредка русским промышленникам он продавал свечи и картинки из жизни преподобного Трифона (Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II. Вып. II. Описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. СПб., 1903. С. 86–87, 89, 92).

³³ Перевод с норвежского см.: ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 171. Л. 270–271. Оригинал см.: Там же. Л. 268–269.

³⁴ Там же. Л. 270.

³⁵ Там же. Л. 270 об. — 271.

³⁶ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 171. Л. 13–13 об.